

А. Б. Соколов

Идейные и методологические воззрения Тимофея Грановского

В статье рассмотрены интерпретации теоретико-исторического наследия Т. Н. Грановского в идеологическом и историографическом контексте. Особое внимание уделено дискуссионному вопросу о позитивистском характере его методологических идей. В дореволюционной России взгляды Грановского рассматривались преимущественно в идеологическом контексте, как один из источников либерализма в России. В советское время крен в освещении идей Грановского сместился в историографическую плоскость, что отчасти объясняется негативными оценками либерализма в марксизме и официальной идеологии. На первый план вышло представление о Грановском как об основателе отечественной историографии всеобщей истории, особенно средневековья (Косминский, Кертман, Гутнова, Коменский, Лаптева и др.). Отмечалась непоследовательность историка в отношении к народным движениям, крайние формы которых он осуждал. В то же время единства в оценке его методологии не было. В середине XIX в. произошел переход от методологии романтизма, основу которой составлял концепт «народного духа», к позитивизму, провозгласившему историю наукой. Как выглядят взгляды Грановского в контексте этой трансформации, стало предметом расхождений. В статье высказан тезис о близости воззрений Грановского к позитивизму на позднем этапе его творчества.

Ключевые слова: Грановский, либерализм, историческая наука, дискурс, позитивизм.

А. В. Sokolov

Timofey Granovsky's Ideological and Methodological Views

The article regards the interpretations of the theoretical and historical works by T. N. Granovsky in ideological and historiographical context. The special attention is given to the question of the positivistic character of his methodological ideas, which is discussed by specialists. In prerevolutionary Russia the views of Granovsky were regarded mainly in the ideological context, as one of the sources of liberalism in Russia. In Soviet time there was a turn to the historiographical aspect of his ideas which is partly explained by the negative attitude to liberalism in Marxism and official ideology. The representation of Granovsky as a founder of the native historiography of the world and especially medieval history came to the first place (Kosminsky, Kertman, Gutnova, Lapteva and others). The inconsistency of the historian who condemned the radical forms of the people's movements was specially stressed. At the same time there was no unanimity in estimation of his methodology. In the middle of the XIX century there was a turn from methodology of romanticism with its concept of "national spirit" to positivism which regarded history as a science. What Granovsky's views were in the context of this transformation is the item of divergence. In the article the thesis of the closeness of Granovsky's views to positivism at the last stage of his work is expressed.

Keywords: Granovsky, liberalism, history as a science, discourse, positivism.

Имя русского историка середины XIX в. Тимофея Николаевича Грановского, профессора Московского университета, стоявшего у истоков изучения зарубежной истории в нашей стране, было хорошо известно образованной части российского общества. Его жизнь, взгляды и труды многократно и в разное время становились предметом изучения в историографии. Как отмечала известный медиевист Е. В. Гутнова, «литература о Грановском поистине огромна» [4, с. 247]. В этой статье не ставится задача систематического рассмотрения историографии проблемы; ее цель состоит в определении методологических воззрений великого русского историка. При этом ключевое значение придается небольшой по объему, но исключительно важной работе Гранов-

ского «О современном состоянии и значении всеобщей истории», являющейся своего рода методологической рефлексией историка. Это была речь, произнесенная на торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1852 г. Исследователи (Е. В. Гутнова, З. А. Каменский, Е. А. Косминский и др.) не прошли мимо этого сочинения, однако предложенные ими варианты (различающиеся) его интерпретации не представляются во всем удовлетворительными в свете сегодняшних методологических подходов.

Грановский привлек внимание, в основном, с двух позиций: во-первых, с позиции идеологической, с точки зрения его роли в общественно-политическом движении, принадлежности к кру-

гу либерально мыслящих западников; во-вторых, с позиции историографической, как основатель российской медиевистики, а более широко, всей научной историографии в России. Широко известны слова великого историка В. О. Ключевского, написавшего в 1905 г.: «Все мы более или менее ученики Грановского и преклоняемся перед его чистою памятью, ибо Грановский, как никто другой, создал для последующих поколений русской науки идеальный первообраз профессора» [8, с. 298].

Неожиданная смерть Грановского в октябре 1855 г., вскоре после избрания деканом историко-филологического факультета Московского университета и предложения о подготовке новых программ и учебников по всеобщей истории, воспринималась либеральной частью общественности как огромная потеря в условиях «оттепели» (именно тогда поэт Федор Тютчев впервые употребил это слово) первых лет царствования Александра II. Однако наследие Грановского было востребовано и спустя десятилетия: большой резонанс вызвала сорокалетняя и пятидесятилетняя годовщины смерти историка – сильны были ассоциации и надежды, порожденные в части общества после смерти Александра III и начала первой русской революцией. Недаром в эти и последующие годы выходят собрания сочинений Грановского, воспоминания и многие сочинения, ему посвященные. Как писал один автор, «Грановский до дна испил чашу сурового николаевского режима, пережив время, о котором нельзя вспоминать без содрогания и которое уже достаточно резко аттестовано в нашей литературе» [12, с. 7]. Сравнивая Грановского с Белинским, Сторожев утверждал, что оба стремились к «гармонии личного и общественного блага, начал свободы, гуманности, нравственной правды, человеческого достоинства; разрушительная критика слова *петербургского* журналиста работала заодно с примиряющим живым словом *московского* профессора». Даже сугубо историческая работа Грановского, его докторская диссертация «Аббат Сугерий», интерпретировалась Сторожевым как «протест против отвлеченной учености в стране, где свобода мысли признается за нечто очень вредное и где ученый с благородными общественными инстинктами едва может избежать пустой подозрительности со стороны разного рода ревнителей уваровской формулы» [12, с. 48].

О «нравственной красоте» Грановского, его «рыцарском благородстве и поразительной душевной чуткости» писал А. Шкляревский: «Ти-

хое и твердое слово Грановского не меньше действовало на слушателей, чем негодующее и бичующее слово Белинского, и тем, что русская литература с конца 40-х гг. не только избавилась от возмутительного цинического взгляда на народность, но наоборот, стала народолюбивой, мы обязаны в значительной степени знаменитому профессору» [13, с. 19–20]. Собственно, та же мысль обнаруживается в отточенной формулировке Ключевского: Грановский «обладал в высшей степени силой нравственного обаяния». В статье «Памяти Грановского» Ключевский не только отметил «невольный разрыв с ближайшими друзьями» и «утрату веры в эмигрантскую деятельность», но гораздо сильнее акцентировал внимание на борьбу его против славянофильства. Он привел свидетельство о словах Грановского: «Эти люди противны мне, как гробы; от них пахнет мертвечиной, ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда, оппозиция их бесплодна, потому что основана на полном отрицании того, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории» [8, с. 298]. Ч. Ветринский (В. Е. Чехихин), автор еще одной биографии Грановского, вышедшей первым изданием в 1897 г., прямо указывал: интерес к нему подогревается потребностью усвоить уроки освободительного движения кануна 1860-х гг.: он «по сию пору близок и понятен нам, особенно потому что реакция освободительному движению 60-х гг. приходит, подобно всякой реакции, к повторению задов. Показывать, чем в действительности были эти зады, идеализируемые так часто с самым бесцеремонным искажением исторической правды, является делом вполне своевременным» [1, с. 380].

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод: образ Грановского был востребован в дискурсе либерализма конца XIX – начала XX в. В нем Грановский не только наделялся высокими личностными качествами, в том числе принципиальностью и неприемлемостью крайних, выходящих за рамки законности действий, проявившейся в его «поучительной примирительной роли», но и особой приверженностью к народу, сочувствием ему. При этом данные, нарушавшие столь идеальную картину, казались неуместными. Например, Сторожев касался воспоминаний А. Н. Афанасьева о Московском университете в 1843–49 гг. В них сообщалось, что Грановский был «любимым профессором», но и отмечалось, что он «страшно ленив и неусидчив для ученых работ», «пристрастен к карточной

игре»; «если прибавить к этому дружеские обеды и попойки, и всегдашний долгий послеобеденный сон, то для ученой работы времени не останется». Сторожев упрекал мемуариста в непонимании «рокового конфликта между отзывчивой, нежной душой Грановского и окружающей его действительностью», конфликта, «который его свел в преждевременную могилу» [12, с. 16–17]. Автор первой биографии Грановского, вышедшей впервые в 1869 г., Александр Станкевич, брат Николая Станкевича, ближайшего друга историка, уже в ее первых строках отмечал его «живость, общительность, мягкость нрава и горячность сердца». Он завершал свой труд следующими словами: «Русское общество в эпоху, когда жил и действовал Грановский, в его горячем сочувствии к лучшим, благороднейшим целям человека было склонно видеть исключительно либеральное направление, видеть в самом Грановском по преимуществу либерала и поборника свободы. Несомненно, что Грановский любил свободу, но ему были дороги также и все другие начала и цели гражданского и политического общества. Ему были дороги все интересы и успехи человека, все условия его развития, все, к чему выражается его сознание духа и природы – религия, искусство, наука. Любовь к свободе не затемняла в его глазах значения власти для цели общественной судьбы человека. Он благоговел перед нею, когда она являлась в лице Великого Петра» [11, с. 283]. Трудно не увидеть в этих словах автора, знавшего Грановского лично, и, по словам супруги последнего, «понимавшего» его, стремления сказать, что реальный Грановский отличался от образа, создаваемого в либеральном дискурсе и мотивированного идеологически. Об этом же, собственно, писал и Ветринский, предполагавший: не умри Грановский в то время, когда он в обществе воспринимался единственным видным представителем западных идей, «едва ли его популярность удержалась бы на той же высоте в последующий период». Вряд ли бы он «присоединился к тем умственным течениям, которые были неизбежным спутником духа, первоначально проникшего эти реформы и до сих пор, к счастью, не совсем отошедшего в область преданий. Дело в том, что Грановского не могли бы не шокировать те ныне исторически совершенно понятные резкости, которые ставились в вину 60-м гг., а в действительности были лишь шероховатой оболочкой здоровых идей, органически развивавшихся из идей сороковых годов» [1, с. 379–380].

При анализе общественно-политических взглядов Грановского в трудах, написанных в советское время, акцент делался на его отличие от «умеренных либералов-западников»: «Его отличал от них горячий патриотизм и несколько скептическое отношение к буржуазному западному миру» [4, с. 248]. В более поздней работе Гутнова даже усилила тональность в донесении этой мысли, когда писала о его «чуждости карикатурному западничеству многих либералов»: «Однако глубоко неправы были те гонители и хулители ученого, обвинявшие его в отсутствии патриотизма и в приверженности исключительно западным образцам» [10, с. 114]. Еще более определенно негативная характеристика либерализма сформулирована в первом советском учебнике по историографии нового времени: «Складывающийся либерализм Грановского, его двойственное отношение к идее революционного преобразования общества укрепляли в его научном творчестве тенденции к объективному идеализму в объяснении процесса исторического развития» [6, с. 176]. Подобный подход не представляется убедительным: в нем видится отражение насаждаемого в советском обществознании (если еще не с дореволюционного времени) стереотипа либерализма как феномена антипатриотического и прозападного. Как мы видели, русские либералы конца XIX – начала XX в., в том числе в трудах о Грановском, отвергали этот стереотип. Подобное представление об историках либерального направления выглядит как выражение определенного рода предубежденности хотя бы по той причине, что историки этого направления, современники Грановского, не просто патриотичны, а подчас националистичны. Достаточно вспомнить Огюстена Тьерри или Франсуа Гизо; оба они не стеснялись прямо говорить о том, что «история должна вызывать патриотический интерес» и что именно Франция всегда находилась в авангарде европейской цивилизации. Достаточно вспомнить Генри Галлама или Томаса Маколея, которые были убеждены в том, что конституционное развитие Англии – образец для цивилизованного мира.

В советскую эпоху Грановский рассматривался преимущественно не в общественно-политическом контексте, а в историографическом дискурсе. Интерес к нему как идеологу либерализма отчасти возродился в годы «перестройки» (А. А. Левандовский). В историографическом плане на первое место выдвигались его заслуги как основоположника изучения всеобщей исто-

рии в нашей стране. Любопытно, что близкие к этой статье выводы об эволюции оценок его творчества в трудах представителей пермской школы (Л. Е. Кертман, М. П. Лаптева, К. И. Шнейдер) сделаны в только что вышедшей статье М. П. Лаптевой с тем различием, что она предпочитает говорить о «проблеме поколений», а не о дискурсе. В то же время она признает «идеологическое давление» на историков, которое существовало при советской власти», когда для «проходимости темы» «нельзя было делать упор на либеральности взглядов Грановского» [9, с. 8]. С моей точки зрения, дискурсивный подход позволяет акцентировать «правила говорения» в историографии для любой эпохи, а не только советской.

Грановский рассматривался как родоначальник научного изучения тех областей истории, которые мы называем «история Древнего мира» и «история Средних веков», при этом число работ, написанных им, невелико. Его лекции по средневековой истории были в основном записаны его слушателями. По сравнению с дореволюционным периодом в меньшей степени артикулировалась значимость его магистерской диссертации «Волин, Йомсбург, Венета», в которой доказывалось, что под этими тремя названиями известен один и тот же город поморских славян. Зато ведущим становится тезис о роли Грановского в становлении концепции феодализма, под которым он понимал господство вассально-ленной системы. При этом подчеркивалось, что историк видел противоречия между феодалами и крестьянами [См., напр.: 10, с. 112]. Тем самым достигался эффект «сближения» Грановского с марксистской методологией истории.

Как другой «ценный вклад» историка рассматривалась концепция эволюции общинного строя у германцев. Грановский, по выражению Гутновой, «реалистичнее» смотрел на средневековые города, чем Тьерри или Гизо. Имеется в виду, что он «подчеркивал наличие довольно резкого социального расслоения». Отмечалась положительная оценка Грановским процесса становления национальных монархий и сословно-представительных органов в их системе политического устройства. Оценку, которую давала Гутнова отношению Грановского к народным движениям Средневековья и Раннего Нового времени, можно назвать противоречивой: с одной стороны, говорится о его «сочувствии» к ним, с другой – резком осуждении «фанатизма невежественных масс» [4, с. 253–254]. Говорилось об «ин-

тересных наблюдениях над средневековой культурой» и «сочувствии» к гуманистам XV–XVI вв. как «представителям прогрессивной мысли и культуры, ведших борьбу с церковью».

Анализ текстов Е. В. Гутновой в той их части, которая касается его значения как историка, показывает: они строились по правилам советского марксистского дискурса. Основаниями для «одобрения» воззрений историка являлись признание роли экономики (хотя бы в части характеристики феодализма и происхождения и эволюции общины у германцев); обнаруживаемые наметки классового подхода; «демократизм» по сравнению с западными историками, принадлежавшими к тому же либеральному направлению; «неоднозначные, во многом критические характеристики» ряда правителей. Основанием для «неодобрения» являлась, прежде всего, критика крайних форм народных движений и протестов. Источником для этого было существовавшее в марксистском дискурсе «правило» говорения о буржуазии как «трусливой», боявшейся народных масс. Оценка, дававшаяся Грановскому-историку в советской историографии, разумеется, не является ни объективной, ни полной (впрочем, как любая другая оценка). В ней присутствуют выборочность и предвзятость, проистекавшие из системы исторических представлений того времени. Например, правила советского дискурса предполагали умолчание о еврейской проблеме. Таким образом, труд Грановского «История еврейского народа» оказался фактически вне зоны оценивания.

Изучение исторических взглядов Грановского включало анализ его теоретико-методологических воззрений, на чем хотелось бы остановиться подробнее. Надо заметить, что в работах истоков советского времени в этом отношении видны два подхода. Все исследователи единодушны в том, что его взгляды формировались в эпоху романтизма под влиянием идеалистической философии Гегеля, рассуждавшего об историческом процессе как результате борьбы противоположностей. В то же время у Грановского нетрудно найти моменты критики Гегеля, что является аргументом, доказывающим эволюцию мировоззрения историка. Какие методологические позиции занимал Грановский в последние годы жизни? Здесь и видны два мнения по поводу отношения его к позитивизму. З. А. Каменский категорически отвергал мнение, будто бы историк, «отказавшись от гегелевской и вообще умозрительной философии истории, от фа-

тализма и эмпиризма», пришел к позитивизму. Он даже утверждал, что «ясности» с взглядами историка нет, во всяком случае, «Грановский не предлагает отказаться в области истории от теории вообще, от необходимости выявлять общие законы истории, и этим он резко противостоит развивающемуся в те годы эмпиризму и позитивизму, к числу сторонников которого его иногда относили (курсив мой. – А. С.)» [7, с. 160]. Это суждение философа порождает вопросы. Во-первых, из него вытекает, будто бы позитивизм отвергал закономерности в истории, что неверно, хотя мнение такого рода высказывалось в литературе. Очевидно, что позитивисты на основании позитивных фактов стремились к познанию законов, но трактовали их отличным от марксистов образом. Только это и может служить объяснением того мнения, будто позитивизм чужд идее закономерности. Во-вторых, если Грановский, как сказано, преодолел присущий эпохе романтизма эмпиризм, то какого рода эмпиризм развивается в те годы? Скорее всего, эмпиризм здесь синоним позитивизма, а эту фразу можно понять как еще одно подчеркивание противопоставления этих категорий поиску закономерностей истории.

Рассуждая о методологических воззрениях Грановского, Лаптева не употребляет понятия «позитивизм» и не дает конкретного ответа, к какой методологической парадигме он ближе всего, предпочитая указать на «неординарность и сложность» его «методологических предпочтений». Иная точка зрения высказывалась Гутновой. В курсе лекций по историографии она писала, что взгляд Грановского на историю «во многом близок взглядам тех западных историков 40–60-х гг., которые ратовали за научность исторического знания, в частности *позитивиста* (курсив мой. – А. С.) Бокля. При этом примечательно, что Грановский высказал эти мысли раньше, чем многие из западных историков» [4, с. 249]. Та же мысль высказана ею и в другой работе: «Грановский провозглашал более реалистический подход к истории, был близок к отождествлению ее с естественными науками, делал шаг в сторону *позитивистской социологии* (курсив мой. – А. С.), хотя и в этом вопросе сохранял самобытность (еще бы! – А. С.): придерживался по-прежнему диалектических методов познания истории, придавал большое значение свершениям человеческого духа» [10, с. 112]. Впрочем, в статье о взглядах Грановского на историческую науку позитивизм она не упоминала [5]. Тем не менее, в дискуссии о методологических воззрениях Гра-

новского мнение Гутновой представляется мне по сути верным. Анализ его знаменитой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» показывает, что историк не просто делал шаг в сторону позитивизма, а с уверенностью сформулировал ряд тезисов, которые трудно назвать иначе, как позитивистскими.

Грановский, как и многие позитивисты второй половины XIX в., видел в истории науку: «При настоящем состоянии истории она должна отказаться от притязаний на художественную окончательность формы, возможной только при строгой определенности содержания, и стремиться к другой цели, то есть к приведению разнородных стихий своих под одно единство науки» [2, с. 7]. Более того, он полагал, что история «должна выступить из круга наук филолого-юридических, в котором она так долго была заключена, на обширное поприще естественных наук. Ей нельзя долее уклоняться от решения вопросов, с которыми связаны не только тайны прошедшего, но и доступное человеку понимание будущего. Действуя заодно с антропологией, она должна обозначить границы, до которых достигали в развитии своем породы человечества, и показать нам их отличительные, данные природою и проявленные в движении свойства. Каков бы ни был окончательный вывод этих исследований, имеющих, может быть, обнаружить историческое бессилие целых пород, не призванных к благороднейшим формам гражданской жизни, он принесет несомненную пользу науке, ибо сообщит ей большую положительность и точность. Но не одною этою стороною история граничит с естествознанием. Еще древние заметили решительное влияние географических условий, климата и природных определений на судьбу народов» [2, с. 10]. При анализе этого отрывка обратим внимание на несколько важных положений. Во-первых, терминология носит выраженный позитивистский характер (положительность, точность). Понятие «точного метода» присутствует и в других частях брошюры. Во-вторых, автор отделяет историю от филолого-юридических наук и сближает ее с естествознанием. В-третьих, он наделял историю прогностическими функциями («понимание будущего»). В-четвертых, Грановский явно испытывал влияние расовой концепции и социалдарвинизма (его рассуждение о породах, то есть народах, благородных и бессильных). В исследованиях отечественных авторов эта сторона методологических воззрений историка фактически обойдена вниманием.

В то же время Грановский утверждал: «Тревоги (речь, конечно, о революциях 1848 г. – А. С.), взволновавшие до дна западные государства, отразились в понятиях тамошних народов и трудах историков, утративших веру в идею, заменивших ее нечестивым поклонением факту» [2, с. 25]. Эти слова можно интерпретировать как свидетельство того, что историк все же до конца не порвал с гегелевским идеализмом. Или, может быть, здесь уместно напоминание Лаптевой, как в советское время историки камуфлировали свои мысли: «А разве эпоха Николая I, в которую жил Грановский, не ставила подобных же задач ему и его современникам?» [9, с. 8].

Не приходится сомневаться, что идеи, сформулированные Грановским в 1852 г., буквально витали в воздухе. Представляется совершенно правильным наблюдение Гутновой о близости взглядов Грановского и Генри Томаса Бокля, которого, как правило, рассматривают как позитивистского историка и социолога. В «Истории цивилизации в Англии», вышедшей в 1858 г., он призывал «возвыситься над частными фактами с целью открыть законы, которыми эти факты управляются». Рассуждения Бокля о влиянии географического фактора, в рамках которого он выделял климат, почву, пищу и общий вид природы, в конечном счете, тоже обращались в рассуждения о «породах», например, о предприимчивом и смелом характере жителей северных стран и «общем правиле индусов», сводящемуся к тому, чтобы подавлять рассудок и давать волю воображению. Как в словах Бокля видны черты колониалистского дискурса, так Грановский завершал свою речь восхвалением «ясного от природы» русского ума, «любящего свет и простор», не имеющего общего со скептицизмом, «отличительным признаком стареющих, усталых обществ», то есть обоснованием особенности своей нации [2, с. 25].

Библиографический список

1. Ветринский, Ч. (В. Е. Чешихин) Т. Н. Грановский и его время [Текст] / Ч. Ветринский. – СПб., 1905 (1-е изд. 1897 г.)
2. Грановский, Т. О современном состоянии и значении всеобщей истории [Текст] / Т. О. Грановский. – М., 1852.
3. Грановский, Т. Н. Полное собрание сочинений. Т. I–II [Текст] / Т. Н. Грановский. – СПб., 1905.
4. Гутнова, Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX – 1917 г.) [Текст] / Е. В. Гутнова. – М., 1974.
5. Гутнова, Е. В. Т. Н. Грановский об исторической науке [Текст] / Е. В. Гутнова // Новая и новейшая история. – 1989. – № 4.
6. Историография нового времени стран Европы и Америки [Текст]. – М., 1967.
7. Каменский, З. А. Тимофей Николаевич Грановский [Текст] / З. А. Каменский. – М., 1988.
8. Ключевский, В. О. Памяти Грановского [Текст] / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Собр. соч. Т. VII. – М., 1989.
9. Лаптева, М. П. Личность и идеи Т. Н. Грановского в восприятии историков разных поколений [Текст] / М. П. Лаптева // Диалог со временем. – 2013. – № 45.
10. Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2 [Текст]. – М.; Иерусалим, 2000.
11. Станкевич А. Т. Н. Грановский и его переписка. Т. I–II [Текст] / А. М. Станкевич, 1897 (1-е изд. 1869 г.).
12. Сторожев, В. Н. Воспоминание о Грановском [Текст] / В. Н. Сторожев. – Ростов н/Д., 1905.
13. Шкляревский, А. Т. Н. Грановский [Текст] / А. Шкляревский. – М., 1913.

Bibliograficheskij spisok

1. Vetrinskij, CH. (V. E. Cheshikhin) T. N. Granovskij i ego vremena [Tekst] / CH. Vetrinskij. – SPb., 1905 (1-e izd. 1897 g.)
2. Granovskij, T. O sovremennom sostoyanii i znachenii vseobshhej istorii [Tekst] / T. O. Granovskij. – M., 1852.
3. Granovskij, T. N. Polnoe sobranie sochinenij. T. I–II [Tekst] / T. N. Granovskij. – SPb., 1905.
4. Gutnova, E. V. Istoriografiya istorii srednikh vekov (seredina XIX – 1917 g.) [Tekst] / E. V. Gutnova. – M., 1974.
5. Gutnova, E. V. T. N. Granovskij ob istoricheskoy nauke [Tekst] / E. V. Gutnova // Novaya i novejschaya istoriya. – 1989. – № 4.
6. Istoriografiya novogo vremeni stran Evropy i Ameriki [Tekst]. – M., 1967.
7. Kamenskij, Z. A. Timofej Nikolaevich Granovskij [Tekst] / Z. A. Kamenskij. – M., 1988.
8. Klyuchevskij, V. O. Pamyati Granovskogo [Tekst] / V. O. Klyuchevskij // Klyuchevskij V. O. Sobr. soch. T. VII. – M., 1989.
9. Lapteva, M. P. Lichnost' i idei T. N. Granovskogo v vospriyatii istorikov raznykh pokolenij [Tekst] / M. P. Lapteva // Dialog so vremenem. – 2013. – № 45.
10. Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 2 [Tekst]. – M.; Ierusalim, 2000.
11. Stankevich A. T. N. Granovskij i ego perepiska. T. I–II [Tekst] / A. M. Stankevich, 1897 (1-e izd. 1869 g.).
12. Storozhev, V. N. Vospominanie o Granovskom [Tekst] / V. N. Storozhev. – Rostov n/D., 1905.
13. SHklyarevskij, A. T. N. Granovskij [Tekst] / A. SHklyarevskij. – M., 1913.